

О. Миллер

**Опыт исторического обозрения русской
словесности**

Часть 1. Выпуск 1

УДК 304
ББК 60.5
О-11

О. Миллер
О-11 Опыт исторического обозрения русской словесности: Часть 1. Выпуск 1 / О. Миллер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 827 с.

ISBN 978-5-4241-9406-1

С хрестоматией, расположенною по эпохам. От древнейших времен до татарщины. Изд.2-е, переделанное и дополненное тремя новыми главами.

ISBN 978-5-4241-9406-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Handwritten signature
A series of small black dots arranged in a grid pattern, likely a watermark or a scanning artifact.

3

UNIV. OF
CALIFORNIA

PG3101

M55

1865

v. 1:1

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-МУ ИЗДАНІЮ.

Прежде чѣмъ время позволило мнѣ приступить къ продолженію моего труда, понадобилось 2-е его изданіе. Пользуюсь этимъ для исправленія многихъ погрѣшностей и для значительныхъ пополненій. Въ хрестоматіи отдѣлъ народной словесности дополненъ обрядовыми пѣснями, загадками, заговорами, пословицами и сказками. Соответственно этому и въ «историческомъ обзорѣніи» главѣ о былинахъ предпосылаются цѣлыхъ три новыхъ главы: объ остаткахъ миѣнческо-обрядовой поэзіи, миѣнческаго и животнаго эпоса. Сверхъ того сдѣланы кое-какія прибавки въ разныхъ мѣстахъ хрестоматіи, а сообразно съ тѣмъ и измѣненія въ соответствующихъ мѣстахъ «историческаго обзорѣнія.»

Мнѣ пріятно выразить признательность двумъ моимъ рецензентамъ: Л. Н. Майкову («Отечественныя Записки») и В. П. Скопину («Учитель»). Многое измѣнено на основаніи ихъ указаній. Считаю также пріятнымъ долгомъ отъ всей души поблагодарить К. Н. Бестужева-Рюмина, котораго совѣтами и указаніями я пользовался съ самаго начала моего труда.

Въ «историческомъ обзорѣніи» мнѣ остается еще догнать хрестоматію. Между тѣмъ какъ въ послѣднюю вошли уже и памятники эпохи Донскаго, первое доведено только до начала татарщины. Я приложу все стараніе, чтобы не замедлить изданіемъ 2-го выпуска 1-ой части моего «историческаго обзорѣнія». А за тѣмъ уже, догнавъ такимъ образомъ хрестоматію, можно будетъ подумать и объ изданіи одновременно 2-й части какъ «историческаго обзорѣнія», такъ и хрестоматіи.

Надѣясь, что въ скоромъ времени мнѣ удастся отдаться по преимуществу этому труду, а равно и продолженію сродныхъ ему — «Бесѣдъ о Русской исторіи.» Старая виновность въ несдерживаніи обѣщаній пусть загладится при помощи обстоятельствъ, благопріятствующихъ сосредоточенію въ трудѣ.

Орестъ Миллеръ.

Октябрь
1865 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Полная, соответствующая всѣмъ требованіямъ науки, исторія русской словесности, при все еще недостаточной разработкѣ нашихъ историко-литературныхъ данныхъ, въ настоящее время едва-ли возможна. Тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ преподаванія нельзя обойтись безъ книги, которая бы представляла въ строгой исторической системѣ все то, что уже достаточно разъяснилось и опредѣлилось при помощи монографій, и такимъ образомъ избавляла учителя отъ утомительнаго и даже убыточнаго труда собирать и приводить въ порядокъ разбросанное по различнымъ изданіямъ. Для полного удобства, при такой книгѣ должна находиться и приспособленная къ ней историческая хрестоматія.

Первымъ дѣломъ составителя такого руководства и такой хрестоматіи должно быть—съ точностію опредѣлить себѣ, что именно можетъ и должно быть отнесено къ словесности, и что не относится къ ней. Несоблюденіе этого требованія внесло въ наши историческіе курсы словесности и въ наши хрестоматіи много такого, что собственно должно быть отнесено къ исторіи русскаго языка, русскаго права, русской церкви, или къ наукѣ русскихъ древностей. Такимъ образомъ вниманіе учащихся обременяется множествомъ разнохарактернаго матеріала, въ результатѣ же они остаются въ полномъ невѣдѣніи на счетъ отличительнаго характера собственно-литературныхъ произведеній, а потому и на счетъ того, много ли такихъ произведеній на языкѣ отечественномъ? Между тѣмъ степень, занимаемая собственно литературными богатствами народа, составляетъ одинъ изъ признаковъ степени его развитія вообще.

Съ другой стороны пора дать болѣе видное мѣсто въ хрестоматіяхъ и въ историческихъ обзорѣніяхъ отечественной словесности, — устно-народнымъ произведеніямъ, изученіе которыхъ особенно важно у насъ, такъ какъ въ нихъ-то по преимуществу выражается нашъ народный характеръ,

до сихъ поръ еще мало успѣвшия себя проявить въ нашей далеко не самостоятельной письменности.

Ежели съ появленіемъ послѣдней и не у насъ однихъ были естественнымъ образомъ сопряжены необходимыя для успѣховъ развитія заимствованія изъ-чужа, то у насъ какъ-то особенно долго длилось рѣшительное преобладаніе подобныхъ заимствованій, при особой же односторонности ихъ, они стали дѣйствовать прямо въ ущербъ нашей народной самостоятельности. Отъ самаго крещенія Руси и до временъ рѣшительнаго усиленія московскаго государства мы видимъ книжную нашу словесность подъ исключительнымъ, можно сказать, вліяніемъ византійскимъ.

Періодъ этотъ естественнымъ образомъ распадается на два отдѣла: до Монголовъ и послѣ Монголовъ. Въ первомъ—не смотря на значительный разрывъ между книжною и устною словесностью, все-таки подается еще надежда на ихъ сближеніе, и книжная словесность отличается нѣкоторымъ разнообразіемъ и значительнымъ богатствомъ. Во второмъ, вслѣдствіе задержаннаго умственнаго развитія, книжная словесность обдѣбѣтъ, становится одностороннею, и разрывъ между нею и устною словесностью окончательно упрочивается. Въ періодъ возвышенія московскаго государства начинаютъ къ намъ проникать первые слабые проблески западнаго вліянія—частію черезъ Новгородъ, частію изъ Литвы. Въ XVII в. западное вліяніе рѣшительно усиливается, проникая къ намъ изъ южной Руси при посредствѣ кievской академіи. Наконецъ въ XVIII в. оно окончательно торжествуетъ вслѣдствіе реформы Петра, и, съ одной стороны благотворно сказываясь усиленіемъ сатиризма (съ Кавтемира) и стремленіемъ къ самостоятельности въ наукѣ (съ Ломоносова), съ другой только поддерживаетъ совершенный схоластицизмъ во всѣхъ остальныхъ явленіяхъ литературы (первые проблески жизни сказываются развѣ въ лиризмѣ Державина). Наконецъ послѣдній періодъ, начинающійся (при Карамзинѣ) стремленіемъ къ общедоступности и сближенію со всею массою читающей публики, ознаменовывается, уже въ ближайшее къ намъ время, и попытками сблизиться съ общенародною жизнію. Вліяніе западной образованности въ концѣ концовъ приводитъ насъ и къ труднѣйшему изъ всѣхъ знаній, къ познанію самихъ себя. Мы начинаемъ наконецъ сознавать, что образованность и народное своеобразіе вовсе не исключаютъ другъ друга. Мы усматриваемъ уже, что ежели въ недѣлимомъ именно образованностью и развивается личность, то настоящая, основательная образованность не можетъ не содѣйствовать и развитію личности въ цѣломъ народѣ; народную же личность составляетъ, какъ извѣстно, его народность. При такой точкѣ зрѣнія не можетъ не получить особеннаго значенія и вопросъ о народности въ литературѣ. Уже не исключительно эстетическими, а жизненно-народными интересами обуславливается въ наше время ея достоинство. Становится первостепен-

нимъ дѣломъ узнать, какъ великъ тотъ кругъ, на который могло распространяться дѣйствіе того или другаго писателя. А съ тѣмъ вмѣстѣ становится необходимымъ опредѣлить взаимныя отношенія обще-народной мысли къ направленію умовъ въ образованномъ классѣ, другими словами — отношенія устно-народной словесности къ письменности. На эти-то отношенія имѣется въ виду обратить вниманіе въ настоящемъ трудѣ. Новостью задачи пусть будутъ хотя до нѣкоторой степени извинены его недостатки. Съ другой стороны, ежели неизбѣжнымъ образомъ, вслѣдствіе подобной новости дѣла, многое должно еще оставаться предположеніемъ, догадкою, то авторъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что свое «Историческое Обзорѣніе Русской Словесности» предназначаетъ онъ не прямо для учениковъ, (какъ христоматію), а для учителей, какъ посредниковъ между нимъ и учениками. Пусть учитель отбрасываетъ все то, что покажется ему недостаточно положительнымъ и доказаннымъ въ этой книгѣ. Авторъ будетъ чрезвычайно доволенъ, ежели, не вполнѣ удовлетворивъ своими рѣшеніями многихъ вопросовъ, онъ вызоветъ нашихъ преподавателей на самостоятельную работу надъ ними.

ВВЕДЕНІЕ.

Языкъ, словесность, литература.

Въ нашей старинной литературѣ вмѣсто слова народъ употребительно было слово языкъ, т. е. народъ и языкъ значили одно и то-же. И дѣйствительно, значеніе этихъ словъ тѣсно связываетъ ихъ между собою: всѣ люди, отъ природы говорящіе однимъ языкомъ, составляютъ одинъ народъ, какъ всѣ, одаренные вообще даромъ слова, составляютъ одинъ родъ человѣческій.

Безъ дара слова человекъ не былъ бы человекомъ. Главное въ человекѣ составляетъ то, что онъ есть существо по преимуществу мыслящее; а мыслить безъ словъ нельзя. Мы говоримъ не только тогда, когда слова наши звучатъ, обращаемся къ другому лицу; мы внутренно говоримъ и тогда, когда думаемъ про себя. Каждая мысль есть уже неизбѣжно и сочетаніе словъ.

Хотя мыслить безъ словъ нельзя, хотя человекъ сталъ бы сочетать слова, т. е. говорить, и въ томъ случаѣ, если бы былъ совершенно одинъ на свѣтѣ, однако же говорить въ полномъ смыслѣ этого слова значить — сообщать слова, т. е. мысли, другому. Такимъ образомъ даръ слова служитъ человеку связью съ другими людьми. Благодаря ему, становится возможнымъ обмѣнъ мыслей между людьми, и люди сознаютъ, что находятся между собою въ духовномъ родствѣ.

Но люди, живя въ различныхъ странахъ и въ особыхъ климатахъ, а потому и испытывая особыя впечатлѣнія, стали выражать мысль свою, т. е. облекать ее въ слово, говорить, болѣе или менѣе различно, въ каждой странѣ — по своему. Тотъ особый способъ образованія и сочетанія словъ, какой сталъ употребляться населеніемъ той или другой мѣстности, составилъ его языкъ. Въ языкѣ выразилась вся особенность мысли народа, все, что стало его отличать отъ людей другихъ мѣстностей, что сдѣлало его между ними какъ бы особымъ лицомъ — народомъ. Какъ вообще человѣкъ безъ свойственнаго ему дара слова еще недостаточно бы отличался отъ прочихъ животныхъ, такъ безъ свойственнаго ему одному языку народъ не отличался бы отъ другихъ народовъ. Пока народъ сохраняетъ языкъ свой, онъ еще продолжаетъ жить своею особою жизнью, хотя бы его покорилъ другой народъ. Но если народу побѣдителю удастся отучить его отъ употребленія роднаго его языка, онъ долженъ будетъ окончательно умереть какъ народъ. Народъ и языкъ нераздѣльны ¹⁾.

Когда, въ незапамятныя времена, отдаленнѣйшіе наши предки, вмѣстѣ съ предками другихъ европейскихъ народовъ, жили еще въ одной мѣстности, въ средней Азіи, то говорили однимъ языкомъ (нѣкоторыя черты котораго сохранилъ древній письменный языкъ Индійцевъ — санскритскій) и составляли одинъ народъ. Впослѣдствіи же, когда часть этого народа-праотца осталась въ Азіи, гдѣ заняла преимущественно Индію, часть вышла въ Европу и разсѣялась по всему пространству этой части свѣта (почему всѣ вообще народы, происшедшіе отъ этого народа-праотца, называются индо-европейскими), то разсѣявшіеся — въ каждой мѣстности стали говорить особымъ языкомъ, т. е. распались на нѣсколько особыхъ народовъ. Тѣ, которые поселились въ мѣстности, прилежащей среднему и нижнему теченію Дуная, стали говорить языкомъ славянскимъ и составили народъ славянской. Но и этотъ народъ впослѣдствіи разошелся по разнымъ мѣстностямъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій сталъ говорить хотя и сходными между собою, но все-таки разными языками, а потому и распался на разные, хотя и родственные народы. Тѣ изъ Славянъ, которые поселились на родной намъ равнинѣ восточной Европы, стали говорить языкомъ русскимъ, т. е. составили народъ русскій. Но обширна страна, занятая народомъ русскимъ, много въ ней разныхъ мѣстностей, а по различію мѣстностей появились и различія въ языкѣ, которымъ говорили Русскіе той или другой мѣстности. Впрочемъ эти различія не были уже особенно рѣзки, а потому русскій языкъ и распался не на особые языки, а только на особые виды одного и того же языка, или, какъ называютъ, нарѣчія. Ихъ у насъ три: великорусское, бѣ-

¹⁾ Ср. J. Grimm. Gesch. d. Deutsch. Sprache, I. B, v.

лорусское и малорусское ¹⁾. Каждое изъ этихъ нарѣчій въ свою очередь распалось на еще менѣе рѣзнящіеся, но все-таки рѣзнящіеся между собою виды нарѣчій или говоры. Люди, соединенные между собою однимъ и тѣмъ же говоромъ, еще не составляютъ народа, еще не составляютъ его и люди, соединенные между собою особымъ нарѣчіемъ. Если бы эти послѣдніе съ теченіемъ времени составили особый народъ, то въ то же самое время и ихъ нарѣчіе составило бы особый языкъ, и на оборотъ: если какое-нибудь нарѣчіе возвысится на степень языка, то нѣтъ сомнѣнія, что и люди, имъ говорящіе, обособятся въ отдѣльный народъ. Стало-быть опять только люди, рѣзко отличающіеся отъ другихъ своимъ языкомъ, составляютъ особый народъ, т. е. такое собраніе людей, которое имѣетъ рѣзко-опредѣлившіяся и не-даромъ принадлежащій ему характеръ. Только народы или, какъ совершенно вѣрно выражались у насъ въ старину, языки, въ состояніи не просто жить, но жить, совершая дѣла замѣтныя и остающіяся, дѣла, которыя, становясь все болѣе и болѣе разнообразными, показываютъ, что народы измѣняются и совершенствуются, а вмѣстѣ съ ними измѣняется и совершенствуется и весь человѣческій родъ. А такъ-какъ рядъ измѣненій и усовершенствованій составляетъ исторію, то только народы или языки могутъ имѣть исторію. Говоры и нарѣчія, т. е. люди, употребляющіе ихъ, особой исторіи не имѣютъ, и жизнь ихъ принадлежитъ только къ общей исторіи ихъ народа ²⁾. Но если, не имѣя особаго языка, нельзя имѣть особой исторіи, то только имѣть языкъ еще не значитъ имѣть исторію. Нѣтъ народа безъ особаго языка; но есть народы, не имѣющіе исторіи, или народы неисторическіе. Народъ имѣющій исторію, т. е. народъ историческій, не только имѣетъ языкъ, но и умѣетъ сдѣлать изъ него самое полное, многостороннее и высокое употребленіе, умѣетъ сдѣлать изъ него то употребленіе, которое производитъ сперва словесность, а потомъ и литературу. Чѣмъ выше стоитъ народъ въ исторіи человѣчества, тѣмъ замѣчательнѣе и его литература. И на оборотъ: если литература народа еще бѣдна, то онъ мало еще сдѣлалъ для исторіи; чѣмъ болѣе богатѣетъ литература, тѣмъ многозначительнѣе для человѣчества становится жизнь народа. Литература есть важное явленіе достоинства и историческаго значенія народовъ.

Но что же такое она, эта великая сила — литература? Есть народы, не имѣющіе литературы, хотя, разумѣется, имѣютъ языкъ; есть также

¹⁾ Кроме вліянія самой мѣстности, на обособленіе нарѣчій имѣетъ вліяніе также и сосѣдній съ тою или другою мѣстностью языкъ; такъ на малорусское и бѣлорусское нарѣчія имѣетъ вліяніе языкъ польскій.

²⁾ Есть нарѣчія, которыя очень близки къ тому, чтобы быть признанными за особый языкъ, наприм. нарѣчіе малорусское. Вмѣстѣ съ тѣмъ Малорусы имѣютъ, можно сказать, свою исторію, хотя она и находится въ тѣсной связи съ общей исторіей русскою.

народы или языки, не имѣющіе письменности. Но изъ этого еще никакъ нельзя заключить, чтобы имѣть литературу значило имѣть письменность. Правда, безъ письменности невозможна литература; литературу тѣмъ и слѣдуетъ отличить отъ словесности, что она есть словесность письменная. Тѣмъ не менѣе многое можетъ относиться къ письменности, нисколько не относясь къ литературѣ. Надо, стало быть, умѣть различать языкъ, письменность, словесность и литературу. При помощи письменности языкъ, по природѣ своей только осязаемый для слуха, становится еще видимымъ глазу; при помощи ея, произведенія языка не только удерживаются памятью, всегда болѣе или менѣе ихъ измѣняющею, но и самымъ прочнымъ образомъ сохраняются неприкосновенными въ видимыхъ знакахъ или письменахъ. Словесность — это особенное употребленіе языка, употребленіе его не для простыхъ, обыденныхъ, но для высшихъ цѣлей, хотя еще безъ помощи письменности. Литература, это та-же словесность, но при помощи письменности, а потому и обладающая большими и прочнѣйшими средствами ¹⁾.

И такъ письменность только служитъ средствомъ для литературы, но не есть еще сама литература. Съ другой стороны литература отличается отъ словесности только этимъ лишнимъ средствомъ — письменностью. Общаго съ словесностью у нея то, что и та, и другая составляютъ высшее употребленіе языка.

Но что же это за высшее употребленіе? Языкъ, какъ было уже сказано, служитъ во-первыхъ выраженіемъ мысли вообще, во-вторыхъ выраженіемъ мысли, сообщаемой другому, т. е. связью между людьми. Какъ говоря сами съ собою или, лучше сказать, сами въ себѣ, такъ и говоря съ другими, мы обращаемъ иногда нашу мысль только на предметы необходимые для нашего существованія или нашихъ матеріальныхъ удобствъ и пріятностей, на предметы насущные, будничные, житейскіе. Это низменное, хотя и необходимое употребленіе мысли, а стало быть и языка, можетъ, для большаго удобства, соединяться даже и съ письменностью — въ какихъ-нибудь счетахъ, перечняхъ, дѣловыхъ спискахъ и актахъ, скрѣпляющихъ разныя дѣлки, въ мѣсяцесловахъ, поваренныхъ книгахъ, и т. п. Все это не можетъ быть выражено безъ помощи письменнаго слова, и между тѣмъ все это не относится къ литературѣ. Но вотъ мысль человѣческая поднимается нѣсколько выше: человекъ заботится не только о своемъ существованіи, о своихъ матеріальныхъ удобствахъ, онъ старается также оградить себя отъ всякой обиды, упрочить и обезопасить свое положеніе законами. Эти законы сперва существуютъ въ видѣ уст-

¹⁾ Я считаю возможнымъ такимъ образомъ разграничить значеніе словъ словесность и литература. Самое происхожденіе послѣднего отъ латинскаго litterae (въ первоначальномъ значеніи) — письменна указываетъ на то, что литература есть словесность собственно письменная.

ныхъ изреченій, сохраняемыхъ памятью; потому, уже съ первыми успѣхами умственнаго развитія, они записываются, и изъ нихъ мало по малу составляются цѣлыя своды, которые могутъ разрастаться въ большое количество книгъ, и между тѣмъ всѣ эти книги — все-таки не литература. Дѣло въ томъ, что всѣ эти своды законовъ, всякого рода акты и постановленія, словомъ, вся эта дѣловая письменность, все-таки удовлетворяетъ еще только чисто-насущной потребности, клонится только къ окончательному упроченію спокойствія и безопасности. Мысль человѣческая умѣетъ подняться выше; она работаетъ не только надъ тѣмъ, изъ чего можетъ немедленно извлечь пользу, она способна подниматься и къ такимъ предметамъ, отъ которыхъ человѣку не сдѣлается вдругъ ни теплѣе, ни удобнѣе, ни безопаснѣе, отъ которыхъ не прибудетъ у него денегъ въ карманѣ и не умножатся его матеріальныя наслажденія. Мысль человѣческая стремится не только къ тому, чтобы умѣть сдѣлать практическое употребленіе изъ предмета, но и къ тому, чтобы просто узнать его, какъ онъ есть, и почему въ немъ то или другое такъ, а не иначе. Уже у ребенка, едва начинаютъ раскрываться его умственныя способности, пытливость на каждомъ шагѣ сказывается вопросомъ — не только: для чего это? но и — что это и отчего это? И въ этомъ пытливымъ вопросе ребенка уже сказывается жажда знанія — ради самаго знанія, безъ всякой дальнѣйшей цѣли; въ немъ уже сказывается стремленіе — составить себѣ о всѣхъ вообще явленіяхъ и предметахъ міра совершенно вѣрное, настоящее, т. е. истинное понятіе, или, что то-же, въ немъ уже сказывается стремленіе къ истинѣ. Пробуждаясь уже въ ребенкѣ, это стремленіе усиливается съ возрастомъ, если только не подавить его неблагоприятными обстоятельствами. Точно также пробуждается и усиливается стремленіе къ истинному и въ цѣлыхъ народахъ; и вотъ, становясь орудіемъ удовлетворенія этому стремленію, языкъ выполняетъ уже особое высшее, не только будничное, не только насущное, назначеніе, и такимъ образомъ вступаетъ уже въ кругъ словесности. И такъ къ этому кругу можно будетъ отнести все то, что выражается языкомъ для удовлетворенія — не насущнымъ, житейскимъ нуждамъ, а чистому, безкорыстному стремленію къ истинѣ.

Кромѣ этого возвышеннаго стремленія, рано пробуждается и другое, столько же безкорыстное. Человѣкъ, стремясь составить себѣ настоящія, истинныя понятія объ всемъ существующемъ, не удовлетворяется тѣмъ, что эти понятія располагаются въ извѣстномъ порядкѣ въ умѣ, онъ стремится представить себѣ явленія и предметы совершенно живо, онъ стремится возобновить, воссоздать ихъ въ воображеніи. При помощи воображенія, изъ понятій, доступныхъ только уму, составляются образы, доступные чувствамъ; и если эти понятія истинны, то эти образы будутъ прекрасны. Мысль не удовлетворяется наконецъ и та-